

Содержание

Предисловие	8
-------------------	---

Простые вещи

Голос камня	11
Право на красоту	15
Осень жизни	21
Плывем... Куда ж нам плыть?	27
Постоянство в добре	33
Отчего люди не летают?	38
Чужие деньги.....	45
Почему мы не святые?.....	49
Слово со властью	55
Мертвые слова	61
О равнодушии.....	67
Действительное причастие.....	73
О христианском высокомерии	79
Зерна добра	82
Псы под трапезой	88
Урок смирения.....	91
Вождь спасения	96
Дом, который построил Джон.....	100
Самый грустный зверь на свете.....	103
Имена бессмертных дев.....	107
Когда умрет последний монах.....	112
Монашество и христианство	115
Семья и школа	119

«Приручение» монашества.....	126
Бремя взрослого человека.....	130

Человеческий лик Бога

Когда Бог был ребенком.....	135
Святой пророк Илия.....	146
Бесплодная смоковница.....	152
Преображение Господне	157
Отчаяние веры.....	161
О дерзновении святых.....	165
Избыток сердца	169
Колодец Иакова.....	173
О Страшном Суде.....	177
Мытарь и фарисей.....	181
Христос и Закхей	185
Ищу человека!	189
Нервный пост	193
Мера поста	198
СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА.....	203
Страстной Понедельник.....	203
Страстной Вторник	206
Страстная Среда	209
Страстной Четверг	212
Страстная Пятница	215
Страстная Суббота.....	218
Светлое Христово Воскресение	220
Вера и верность.....	223
Святые мироносицы	227
Фатализм Пасхи.....	231
Последняя встреча	234

Следует жить!

Одна четвертая добра.....	240
Ессе homo.....	251
Ближний: цель или средство?.....	255
Кто мой ближний?.....	264
Встреча с Автором	268
Вишнеевое варенье	271
Любовь и пустота.....	277
Платон мне друг	279
Тень призрака.....	286
Эти Хармиды!.....	291
«Похоть не дает любить»	295
Отзвуки Добра	299
Смысл девства	304
Призрак вод.....	309
Пустой мир	314
Девственный Логос.....	325
Бог рисует белым.....	329
Узники любви.....	333
Гниющие лилии	337
Возвращение монахов	342
Хоровод Ангелов	351
Искусство быть любимым	353
Танцы над дождем.....	360
Про глупости	364
Симпозион.....	369
Слияние сердец	374
Nic sunt leones.....	386
Доверие к бытию	391

Предисловие

Однажды меня пригласили прочитать несколько лекций в одной из российских епархий. Это была интересная и плодотворная поездка, общение со светлыми людьми и незабываемые встречи. Вечером был торжественный прием у митрополита, вылившийся в самую душевную и дружескую беседу. После нескольких часов разговоров и воспоминаний владыка посмотрел на меня с недоумением и неожиданно сказал:

— Савва, а ведь ты, оказывается, такой замечательный и адекватный человек! И как тебя угораздило в писатели пойти?

Это был вопрос года! Над ним я долго размышлял, и теперь еще продолжаю, потому что так бывает, что в одной реплике вдруг сгущается и выдает себя самая суть. Священник, который пишет книжки, — пугающий и опасный чудак. Так относится к литераторам в рясах большинство верующих — и духовенство, и миряне. Если ты взялся за литературный труд, братья по вере и алтарю, скорее всего, примут это за проявление

честолюбия — это самый понятный мотив. А если честолюбие — значит, гордыня, и ничто не вызывает в православных такого живого отклика и неукротимого энтузиазма, как желание помочь ближнему справиться со страстью гордости, которая, как известно, самый смертный из грехов. И вместо того чтобы целиком отдаться творчеству, ты вынужден тратить все свои душевные силы, чтобы доказать, и прежде всего самому себе, что дело, за которое ты взялся, того стоит.

Человеку творческому обязательно нужно на кого-нибудь опереться, даже гениям нужна поддержка. И какое счастье, если найдется хотя бы один человек, одаренный способностью ободрять к творчеству, поверить в то, что стремление к литературе может быть не от высокомерия или авантюризма, а от призвания, оттого что Господь позвал. Мне повезло, у меня был такой человек — Марина Андреевна Журинская, главный редактор журнала «Альфа и Омега». Именно она убедила меня писать, и работы, которые вошли в эту книгу, были написаны по ее личной просьбе и благодаря ее редакторской настойчивости.

Большая часть текстов, представленных в этой книге, публиковались в журнале «Альфа и Омега», а затем были собраны в сборник, вышедший в 2014 году. Нынешнее издание, как и предыдущее, имеет деление на три части, однако, в отличие от первого издания, каждая

получила свое заглавие, а тексты третьей части были дополнены и расширены, поскольку именно она является смысловым ядром книги и писалась изначально как один текст. Однако редактор издания 2014 года счел нужным значительно сократить эссе «Любовь и пустота» и совсем опустить раздел «Смысл девства». Настоящая книга возвращается к первоначальному замыслу.

Не могу не ответить на вопрос одного из самых первых читателей этой книги старичка Адольфовича, который до самой кончины был преданным прихожанином нашего храма. Прочитав «Любовь и пустоту», он сказал:

— Отец Савва! Изучил ваш труд внимательнейшим образом. Нашел много важного про любовь. Но где же про пустоту?

Проницательный Адольфович! Я действительно планировал посвятить пустоте отдельную главу, написанную как размышление над строками стихотворения Иосифа Бродского «Дебют», которое мы разбираем со студентами на занятиях. Но почему-то так не хотелось этого делать! Бродский всегда с нами, а пустота и внутри, и вокруг в таком избытке, что было бы избыточным мучением и пыткой отдавать ей лишние страницы этой книги.

Жизнь такая короткая, и мгновений счастья в ней не так уж и много. Лучше их отдать любви и доброте, даже если это всего лишь слова о любви и доброте.

Простые вещи

Голос камня

Рассказывают, что, когда великий святой и проповедник древней Англии Беда ослеп, к нему приставили мальчика-поводыря, не очень рачительного, который позволял себе врать старцу, чтобы улизнуть с послушания. Вот однажды идут слепец и мальчик по дороге, и пареньку захотелось отдохнуть, он и говорит старцу, что вокруг собралась толпа: люди стоят и ждут его проповеднического слова. Достопочтенный Беда оживился и начал вдохновенную проповедь, на которую только и способно пылкое сердце боголюбца. Он говорил горячо и долго, и солнце уже зашло, и землю окутал сумеречный холод, и испуганный поводырь со слезами уговаривал святого закончить свое слово, потому что никого уже нет, все ушли. И вот великий старец умолк, и среди ночной тишины камни пропели ему в ответ громогласное «Аминь».

Есть чудесное стихотворение Якова Полонского, написанное на этот сюжет, оно очень нравится детям, и я сам прочел его еще школьником и был впечатлен чудом поющих камней. Бездушный ледяной камень, который хранит в себе холод даже в самый жаркий день, вдруг согревается словом старца, тает при голосе боголюбца, не в состоянии удержать в себе молитвенный ответ. Проще разговорить камень, чем разбудить сердце. Легче быть камнем, чем человеком. Камни так редко очеловечиваются, но люди часто каменеют. Наши сердца замерзают до самого глубокого «окамененного нечувствия», и вернуть им былое тепло стоит большого труда, если не чуда. Как с нами такое случается — у каждого своя история. Но мы — христиане, пусть даже и с нечувствительными сердцами, с окаменелостями внутри, и как-то с этим надо жить, и как-то с этим надо молиться.

Молитва — самый тяжелый труд. Это известно каждому, кто учился молиться. Люди чаще молятся, когда стряслась беда. В страданиях все наше существо начинает кричать Богу. Горе гонит людей в церковь, бросает на колени перед Богом, все чувства и помыслы собирает в одном молитвенном порыве. Это особый опыт. Крайне редкий, и потому многим людям непонятно: как можно молиться постоянно, с регулярностью и особым правилом? Как можно требовать от сердца восторженности по часам и минутам?

Не лицемерие ли все это? Не требует ли церковь от нас невозможного?

Молитва регулярная и правильная — это заповедь апостольская, данная из опыта и обращенная к опыту, а не теории. Восторги приходят и уходят, а мир, который стонет под бременем зла, требует наших молитв, нашего маленького молитвенного усилия, каждого из нас. Но как можно молиться, когда сердце молчит, безмолвствует, не отвечает этот старый холодный камень, не пробуждается даже от слов пламенных боголюбцев? Это сложный вопрос, и, кажется, ничего с этим не поделаешь. Или же все-таки что-то можно сделать?

Есть один старинный способ «оживления камней». Это молитва за другого. Нет такого холодного сердца, которое хотя бы чуть-чуть не оттаяло, когда молишься за ближнего. Может, свое молитвенное правило я и прочитаю сухо и формально, даже, скорее, вычитаю, как важный, красивый, старинный, но чужой текст, так и не ставший сегодня моим. Это я молился за себя, но мне-то что? Но вот вы легли спать, и вам не спится. Обрывки фраз, мыслей и образов блуждают в памяти, бродят в сознании, как бродит молодое вино. Вспомните по именам ваших близких, родных, друзей, живых и почивших, и за каждого из них, не за себя, а за этих чудесных и несчастных людей, воздохните перед Богом. Своими словами, своими просьбами, личным сочувствием помолитесь за

них. Поговорите с Богом как с Отцом. Скажите Ему сами, что вы хотите сказать, даже если вы обиделись на Него — Ему можно говорить и это. Ведь молитва — это не медитация, не измененное состояние сознания или погружение в покой и равновесие. Ты говоришь с Богом, так стань и препояшься, как муж (см. Иов 38: 3). Это мы и называем молитвой. Такое делание не несет покоя. Ведь ты стоишь перед Богом. Ты перед Его очами каждое мгновение своей жизни, потому и заповедовали апостолы молиться всегда, всегда предстоять пред Богом, быть готовым ответить Ему.

И это упражнение постепенно перерастет в навык, станет необходимым правилом, без которого никак нельзя. И когда вы идете по городу, едете в машине, сидите в кафе, смотрите новости — молитесь за тех, кого видите, — только так мы и можем смотреть на этот мир — молясь за него. Только так христианину и следует смотреть новости, читать газеты. Сколько вокруг больных людей, несчастных и голодных детей, сколько войн и бедствий! Мы не можем помочь всем деньгами, но принести молитвенное воздыхание в наших силах. Идете мимо больницы — помолитесь за тех, кто страдает, видите деток — благословите их молитвенно про себя. Запутавшийся политик или глупенькая девочка, которая поверила, что она звезда, — помолитесь о них, им это нужно. Нам всем это нужно. Понуждая себя к такой молитве, мы действительно сможем разбудить свое

сердце, освятить каждую мысль. «Тяжело каждой мысли, которая не выльется, не преобразится в молитву»*. Так писал святой Иустин (Попович). Мысль без молитвы тяжела. Она стелется по земле, она задыхается от собственной грузности. Она каменеет и само сердце заражает нечувствительностью даже к собственной жизни.

У Ивана Ильина есть чудесная книга «Поющее сердце». Это велико. Это чудесно. Когда есть сердце, тогда есть и пение. Поющее сердце — это красиво и это нормально. Но подлинное чудо там, где поют камни. Вопреки природе, наперекор всем вердиктам и приговорам — ожившее человеческое сердце начинает петь, потому что Сам Бог Милосердия дает голос этому камню.

Замолк грустно старец, главой поникая.
Но только замолк он — от края до края:
«Аминь!» — ему грянули камни в ответ.

Право на красоту

Говорят, однажды пожилой уже Анне Ахматовой подарили ботинки. Созерцая подарок, поэтесса изрекла: «Хорошая вещь. Полезная. Но мне бы чего-нибудь *лишнего*».

* Иустин (Попович), преп. Подвижнические и богословские главы // На богочеловеческом пути. СПб., 1999. С. 151.

Разговор о красоте — это разговор о лишнем, потому красота — это то, без чего теоретически можно обойтись. Есть вещи принципиально необходимые человеку — пища, кров, одежда, — без этого не выживешь, и в трудные годы, например во время войны, люди заботились главным образом о том, чтобы дети не мерзли и не голодали, — не до красоты было. Но даже в эти лихие времена находились люди, такие же голодные и больные, которые тратили свои силы и саму жизнь, чтобы спасти бесполезные, но прекрасные вещи. Сотрудники ленинградских музеев, музыканты, литераторы, переводчики... Человек, однажды уязвленный красотой, уже никогда не сможет без нее жить. И дело здесь не только в том, что красота примиряет нас с жизнью. Переживание прекрасного — это опыт скорее мистический, он выводит тебя за пределы себя самого, ставит лицом к лицу с миром божественным, потому что мы, христиане, знаем, что Красота есть одно из имен Божиих, Он — Прекрасное Само по Себе, и Он же — источник подлинной красоты. «Все сущее, — пишет святитель Дионисий Ареопагит, — возникая из Прекрасного и Доброго, пребывая в Прекрасном и Добре, возвращается в Прекрасное и Добро. И все, что существует и появляется, существует и появляется благодаря Прекрасному и Добру» (О божественных именах. 4. 10). Заметим здесь принципиальное

для христианского упования тождество добра и красоты, идеала этического и эстетического. Не напрасно святые отцы дали название знаменитому аскетическому сборнику «Добротолюбие» — это перевод греческого слова «филокалия» — любовь к красоте. Святость подлинно прекрасна! Святой как приобщенный Источнику добра и красоты, ставший пре-подобным Ему, не просто несет на себе печать красоты как чего-то внешнего. Святость открывает в человеке его собственные тайники богообразной красоты и являет красоту других людей, сокрытую даже от них самих. Когда мы читаем жития подвижников, нас восхищает их удивительное благоговение к людям, чувство вполне искреннее и лишенное всякой фальши и лицемерия. Из той же житийной литературы известно, что святые становились на сам путь святости, будучи уязвлены, очарованы красотой Своего Бога. Преподобный Макарий Египетский пишет, что человек, уязвленный любовью к Божественной Красоте, «связан и упоен ею, погружен и отведен пленником в иной мир» (Добротолюбие. I. 13).

Но здесь все понятно — красоту Бога и святости не будет оспаривать ни один христианин. Однако мы живем в мире, где добро и красота разошлись, и особенно хорошо это видно в современном искусстве, когда прекрасно, как говорят, грамотно снятый фильм жутко смотреть от того изобилия порока, что выливается на зрителя.

Сегодня мы говорим об очаровании зла. Доктор Лектор из «Молчания ягнят», гениально сыгранный Энтони Хопкинсом, вызывает симпатию и сочувствие — но ведь это убийца-каннибал! Красиво до жути.

Все вместе это воскрешает внутри христианского общества старинный испуг и недоверие к культуре, подозрительное отношение ко всему, так сказать, душевному. И — маятник качнулся в другую сторону — уже верующему человеку приходится отстаивать перед своими собратьями право на красоту. Ведь постепенно, сами того не замечая, мы закрываем себя в православном культурном гетто: у нас свое православное кино, православная книга, православная песня. Создается свой «спасительный» тип одежды и стиль поведения, и если ты как-то выбиваешься из него, к тебе уже относятся иначе — этот не наш!

Но ведь подлинная красота надконфессиональна. Кошки прекрасны не потому, что это наши православные кошки, и цветы очаровательны не потому, что росли рядом с храмом. Скажете: это Божий мир и не надо путать его с миром культуры. Безобразий хватает и в Божьем мире, и мы знаем, благодаря кому. Но вот строчка из стихотворения Рильке «Слепая»:

Я чувствовала: мимо рук моих

Прошло дыханье пышной белой розы.

Это сказано чудесно, хотя Рильке и не был православным, как не были православными Платон, Еврипид, Борхес, Бетховен и многие другие гениальные поэты, художники, музыканты, и кому как не нам, служителям Прекрасного Бога, Бога Красоты, учиться слышать и распознавать те чудесные отблески красоты, которыми нас одарили эти люди.

Но ведь это душевное, а мы ищем духовного! Это все, конечно, верно, однако, как говорила одна мудрая женщина, чтобы убить душевность, нужно как минимум иметь душу. Невозможно из состояния плотского, в котором большинство из нас обитает, совершить «комсомольский» бросок к духовности, минуя ступень душевного. Поэтому прежде чем браться за «Добротолюбие», надо бы сдать «экзамен» на вежливость и предупредительность, проверить себя на обязательность и постоянство, и, конечно, ничто так не будит душу, как внимание к прекрасному. Внешний вид, манера общаться, круг чтения и досуга. Безусловно, есть люди, которых это не касается, они уже на другой ступеньке, но таковых, поверьте, меньшинство.

Есть еще один очень важный момент. Я уверен, что Церковь обязана нести свой подвиг миссии, вступая в активный диалог с наукой и культурой. Человек грубых нравов, нечувствительный к прекрасному, просто не имеет в себе способности услышать евангельскую весть. Мир

вырождается, потому что искусство уже стало полезным, приспособилось или было приспособлено к нуждам, к потребностям плотского человека. Над книгой или фильмом теперь не надо работать, совершать творческое усилие, все постепенно погружается в сферу развлечения, обслуживания запросов. Поэтому для Церкви важно поддерживать высокое искусство, воспитывать к нему вкус, и начинать надо с нас самих. Церковная музыка, архитектура и иконопись должны быть на самом высоком уровне — это вопрос принципиальный. Можно, конечно, сослаться на недостаток средств или отмахнуться, как от душевного или ненужной роскоши. И это будет преступлением с нашей стороны. Прекрасный церковный хор, стройность и красота богослужения, изысканность архитектуры — лучшие формы проповеди, которые когда-либо знала Церковь. И это не интерес корысти, а самая соль христианского мироощущения. Господь сотворил человека для радости. Величайшей радости мы приобщаемся в созерцании красоты. И вот как об этом писал неправославный Гете: «Когда человек чувствует себя в мире как в едином прекрасном целом, когда чувство внутренней гармонии приводит его в чистое, свободное восхищение, — в эти минуты вся вселенная, если бы она могла сознавать себя, — удивилась бы и возрадовалась высочайшей цели бытия своего. Ибо к чему служит все это великолепие Солнца,

планет и звезд, этих рождающихся и исчезающих миров, если наконец счастливый человек безотчетно не станет радоваться бытию своему?»

Осень жизни

Каждый нормальный человек мечтает прожить максимально долго. Стремиться к этому естественно и желать — незазорно. Но опять же всякий знает, ясно осознает, что долгая жизнь необходимо сопряжена со старением. В этом раскол нашего желания: жить хочется долго, но не стареть или как-нибудь не очень стареть. Старость симпатий не вызывает, и, более того, современная культура вообще старается получше укрыться от этой реальности, не видеть ее, не замечать. Старым быть стыдно. Потому что старость не может быть красивой по определению, ибо сама есть уродство, безобразие и предвестник смерти. А еще немощи, болезни, беспомощность, иногда — маразм. И наоборот, современный западный мир одержим культом молодости, доходя в этом поклонении до жутких крайностей, когда всерьез предлагается взрослым людям не учить детей, а самим у них всему учиться, прислушиваться к их мнению и без конца защищать их права и поощрять свободы. Так где же вы хотите отыскать красоту старости, когда само это выражение кажется абсурдным и противоречивым?

С красотой вообще все непросто. Ее, например, никак нельзя доказать. Как доказать, что вот эта девушка прекрасна? Ведь доказательство — некоторый вид рассуждения, плод работы ума, тип рациональной активности, а переживание красоты — это несколько иной опыт. Красота живет как бы в другом измерении, в нем и постигается и настигает нас. Красота не доказуема, а показуема. Она избыточна и, иногда кажется, нелогична. Вот зачем нужны старики? Сколько бы времени освободилось для тысячи добрых дел и начинаний, не путайся под ногами разные старухи-процентщицы и всякие лишние деды. Все эти разговоры, что они заслужили, мы у них учимся... Часто ведь и не учимся, потому что нечего у них взять, даже бывает и вредно что-то заимствовать, просто опасно. Слышали фразы «старый хрыч», «старая ведьма», «вредная старуха» и прочие менее вежливые? Но ведь в нашей речи есть и другое: «красивый старик», ласковые именованья «дедушка», «бабушка», «старушка». Мы умиляемся, даже когда произносим эти слова или слышим их. Чему умиляемся? Что так трогает сердце? Опыт человеческой красоты, пережитой в общении со старыми людьми, опыт, отзывающийся в сердце благодарностью и любовью.

Когда я трудился в детской воскресной школе, то давал ребятам задание нарисовать себя в старости с указанием своих *технических*

характеристик: возраст, состояние здоровья, достижения, количество детей и внуков и т. д. Девочки чаще всего рисовали себя пышноволодой изящной старицей, возраст которой угадывался с трудом: она усердно копается в саду *родового гнезда* в окружении целой толпы внуков и всяких кошек. Любопытно, что муж-старик ни в одном из рисунков не фигурировал. Рисунки мальчиков были еще занятней. Один паренек изобразил себя без руки и ноги, с черной повязкой на месте утраченного глаза. Стоял старик-войка на фоне огромной карты, тщательно подписанной: «Где я сражался за Родину». Замечу, что обозначенные *горячие точки* были на всех известных континентах и довольно далеко от самой Родины. Зачем я давал ребятам такое странное задание? Мне кажется, молодым людям полезно размышлять на тему собственной старости, *вспоминать* свою старость, что помогает воспитать со-чувствие, выработать чувствительность к старости и научиться ее принимать и понимать. Страшно даже подумать, что меня, такого сильного и здорового, будет кто-то мыть, одевать, сажать на горшок и кормить с ложечки, терпеливо (если повезет) поправляя салфетку. Такое *воспоминание*, как некое духовное упражнение, делает человека мудрее, учит созерцать свою собственную предельность и уязвимость, из которой и только из которой можно увидеть путь к вечному и подлинному.